

Даже больше, он мог в ответ едко и саркастично их парировать.

– Как можно, да кто же не знает, что у преподавателя Ляна голос — один из самых прославленных в нашем кругу. Я, будучи новичком, и так страшно волнуюсь, что мы выступаем с преподавателем Ляном на одной сцене, куда уж мне сметь питать столь дерзкие мысли.

Тц, а паренёк-то вошёл во вкус.

Лян Чэн никак не ожидал, что тот станет пререкаться прямо на сцене. Сначала он думал отделаться парочкой шуток, но тут... его уже было не остановить.

– Преподавателю Чу тоже не к чему так скромничать. Раз мы соревнуемся на одной сцене, то в профессиональном плане у нас один к одному, уровень плюс-минус одинаковый. Если преподаватель Чу возносит меня так высоко, то что мне делать, если меня вдруг вскоре исключат? Как мне после этого смотреть людям в глаза?

– Преподаватель Лян, хватит шутить. Да меня хоть десять раз исключат, вас исключить никак не могут, – улыбнувшись, Чу Синь посмотрел на него. – И даже если отбросить все сомнения: у вас ведь так много фанатов, зрительское голосование ввне обязательно вернёт вас обратно.

Было очевидно, что в его словах скрывается второй смысл. И хотя этот плут говорил с улыбкой, выражение его лица весьма недвусмысленно демонстрировало то, что именно должно было выражать сказанное им: «Популярностью-то ты повыше будешь, а вот профессионализм... ну, так себе».

Это можно было считать самой настоящей открытой провокацией.

Начнись такое с кем-то другим, тот наверняка бы уже вышел из себя, но Лян Чэн и сам не знал, что с ним такое: мало того что он не рассердился, так ему ещё и показалось чертовски интересным, что этот сопляк так быстро соображает и обладает столь острым языком.

Однако раз он не злился, то за него злились другие: его фанаты в зрительном зале уже едва сдерживались, чтобы не сорваться с мест.

Лян Чэн отродясь не любил, когда его поклонники из-за него ругаются с остальными, поэтому обычно, когда его в чём-то обвиняли, подставляли или распускали грязные слухи, он разбирался со всем сам.

В конце концов, если позволить фанатам открыть рты, преданные до мозга костей защитники наговорят невесть каких гадостей. Ему было немного жаль заставлять этого паренька выносить бурю и натиск прямо на сцене.

Поэтому, одарив фанатов в зале успокаивающим взглядом, он повернулся к Чу Синю и, кривя

губы в усмешке, произнёс:

– Если всё действительно обернётся так, как говорит преподаватель Чу, то это хотя бы окупит ту популярность, которую я накопил, годами упорно создавая свои работы. Я прав, преподаватель Чу?

Что ни говори, а эта фраза оказалась поистине безжалостной — на лицах зрителей можно было заметить почти физически ощутимое злорадство.

В конце концов, в этом соревновательном шоу, где все участники были полужнаменитостями, у каждого имелись работы, которыми можно было похвастаться, и лишь у новичка Чу Синя их не было.

Чу Синь даже не нашёлся что ответить.

А затем Лян Чэн выдал кое-что похлеще:

– Но, судя по моему мнению, преподаватель Чу — человек с большим потенциалом. Постарайся как следует: я с нетерпением жду того дня, когда преподаватель Чу — будь то в профессионализме или в популярности — заткнёт меня за пояс.

–...

Чу Синь по-прежнему молчал, и атмосфера на сцене начала стремительно накаляться. Ведущий поспешил подхватить тему:

– Ого, да это же слова поддержки от нашего самого крутого преподавателя Ляна! Надо полагать, наш преподаватель Чу Синь теперь непременно поднимется на новую ступень.

Обрубив диалог между ними двумя, ведущий тут же, без единой заминки, задал вопрос другому актёру и до самого ухода со сцены не позволил им вымолвить ни слова.

Выступления во время записи шоу не шли сплошной чередой, группой за группой, как при трансляции по ТВ. Всё-таки это было состязание, и ради справедливости после каждого номера зрителям давали немного передохнуть, дабы впечатления от предыдущего выступления не портили восприятие следующего.

После перерыва, когда на сцену вышла выступать следующая группа актёров, все участники, за исключением занятых в номере, отправились в зрительный зал, и лишь Чу Синь вернулся за кулисы. По одному его одинокому силуэту было понятно, что он расстроен.

Когда Лян Чэн последовал за ним, тот сидел на ступенях лестницы в закулисы, уставившись в

телефон, с поникшей головой и нахмуренными бровями — вылитая картина вселенской обиды.

– Ты чего? – с улыбкой спросил Лян Чэн. – Расклеился из-за того, что я тебе сказал?

Чу Синь сделал вид, что не расслышал, даже голову не поднял и полностью проигнорировал его.

Лян Чэн наклонился, приближаясь, чтобы получше разглядеть его выражение лица:

– Так ты и вправду обиделся?

Чу Синь продолжал игнорировать его, тупо уставившись в экран своего телефона и продолжая что-то лисать.

Поулыбавшись и понаблюдав за ним ещё немного, Лян Чэн внезапно выхватил у него телефон.

– Ты чего делаешь?!

Чу Синь обернулся, зыркнул на него и тут же вскочил на ноги, потянувшись, чтобы отобрать гаджет обратно.

Но Лян Чэн не дал ему этого шанса: он тут же отступил на шаг назад, прижался спиной к стене и занёс руку с украденным телефоном высоко над головой.

– Верни!

Чу Синь кинулся отбирать: стоило ему потянуться влево, как Лян Чэн поднимал руку справа, тянулся вправо — тот переносил влево. Пользуясь преимуществом в росте в добрую половину головы, он вёл себя откровенно по-свински.

Чу Синь пару раз встал на цыпочки, но так и не смог дотянуться. Он замер, снова злобно зыркнул на обидчика, а затем просто бросил попытки, тяжело плюхнувшись обратно на пол. Он разъярённо пыхтел, а его щеки раздулись, точь-в-точь как у маленькой иглобрюхой рыбы.

То, что сейчас он злился по-настоящему, а не играл на камеру, позволило Лян Чэну словно бы разглядеть его истинный характер.

В отличие от того образа, который этот паренёк намеренно показывал людям последние пару дней, возможно, на самом деле он был не столь толстокожим и не ко всему относился равнодушно.

- А у малыша-то характер будь здоров.

Улыбаясь, Лян Чэн подошёл и опустился рядом, легко толкнув его плечом:

- Эй, тебе позволено шпынять меня, а мне и ответить нельзя?

Чу Синь тут же подвинулся на попке в сторону, отсев по меньшей мере на полметра.

Лян Чэн счёл его забавным, поулыбался, глядя на него, затем придвинулся следом и снова легонько боднул его плечом:

- Чего молчишь, ты ребёнок что ли?

Дальше шла лестничная перила, и сдвинуться дальше было уже некуда. Чу Синь резко обернулся и сердито уставился на него:

- Ты сказал слишком обидные вещи!

- Ну и что? - откликнулся Лян Чэн. - А то, что говорил ты, было не обидно?

- Я говорил всё это лишь потому, что твои профессиональные навыки действительно на высоте: у тебя есть работы, есть достижения, есть осязаемое мастерство, стоящее за плечами. Кто бы ни слышал мои слова, каждый подумал бы, что я тебе просто завидую. Я намеренно говорил так, чтобы помочь съёмочной группе поднять хайп — в конце концов, если они и будут кого-то ругать потом, то точно не тебя. А вот с какими мыслями ты наговорил всё это?

<http://bllate.org/book/28121/3401708>